

ЛАРС СВЕНДСЕН

ФИЛОСОФИЯ МОДЫ

Ларс Свендсен

Философия моды

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2684375

Философия моды/ Пер. с норв. А. Шипунова.: Прогресс-Традиция;

Москва; 2007

ISBN 5-89826-198-2

Аннотация

Философия моды – книга о взаимоотношениях между модой, современностью и идентичностью человека. Мода – одновременно привычный и таинственно элитарный мир, в котором мы все живем, покупаем ли мы новую пару джинсов, читаем Vogue или смотрим последний эпизод сериала. Ларс Свендсен исследует мир моды, его мифы, идеи, историю, породившую от кутюр, обязательные тренды, а также само понятие моды.

Свендсен останавливается на трудах мыслителей от Адама Смита до Ролана Барта, чтобы проанализировать моду как исторический феномен и эстетическую философию. Он также прослеживает связи между понятиями моды и современности и определяет важность развития моды в таких областях, как искусство, политика и философия.

Критикуя безжалостно медиа-культуру, прославляющую совершенство тела, либо анализируя бесконечные споры о

заслугах конформизма, а не индивидуального стиля, Ларс Свендсен предлагает притягательный и интригующий анализ моды и мотиваций погони за новым.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
Вступление – философия моды?	7
Принцип моды – новое	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ларс Свендсен

Философия моды

Предисловие

Со времен эпохи Возрождения мода стала одним из наиболее важных явлений западной цивилизации. Постепенно она подчинила себе многие сферы современной жизни и в значительной степени стала нашей «второй натурой». Итак, если изучить данный феномен у нас, появится возможность познать самих себя и те поступки, которые мы совершаем. Тем не менее философия обходит стороной понятие моды, вероятно, по той причине, что для этой «глубокой» науки последняя, несмотря на ее важность, как предмет изучения ценности не представляет. Однако, если философия – это наука о самопознании, а мода действительно была – и продолжает оставаться – столь значимой, как я это утверждаю, она должна стать объектом серьезного философского исследования.

Работа над книгой была длительной и весьма кропотливой, а результат сильно отличается от запланированного. Впоследствии от многих точек зрения пришлось отказаться, так как выяснилось, что они оказались ошибочными. Книга стала гораздо более критической, чем я представлял себе

это вначале, да и сама тема требовала более критического подхода. Впервые мысль написать книгу о моде появилась у меня пять лет назад, когда я работал над «Философией скуки» и затронул вопрос о философии моды. В этой книге я лишь обозначил тему для дискуссии. Через год появилось мое исследование «Искусство», посвященное «эстетизации» нашей жизни. В этой связи феномен моды, безусловно, является весьма важным. Я хочу сказать, что обе эти книги – каждая по-своему – побудили меня к рассмотрению указанного феномена в отдельном исследовании. За прошедшие годы я прочел целый ряд лекций, посвященных моде, но написанию книги постоянно что-то препятствовало. И вот она наконец готова.

Выражаю благодарность Эллен-Марие Форсберг, Анне Гранберг, Хелге Йордхейм, Ингрид Санде-Ларсен, Томасу Севениусу Нильсену, Эрику Торсенсену, Ингрид Угельвик и Кнуту Олаву Омосу за комментарии к тексту. За все недочеты, неточности и неверные умозаключения несу ответственность, безусловно, только я один.

Ларс Фр. Х. Свендсен

Осло, 22 апреля 2004 г.

Вступление – философия моды?

Whatsoever sensibility exists, whatsoever represents Spirit to Spirit, is properly a Clothing, a suit of Raiment, put on for a season, and to be laid off. Thus in this one pregnant subject of CLOTHES, rightly understood is included all that men have thought, dreamed, done, and been: the whole external Universe and what it holds is but Clothing and the essence of all Science lies in the PHILOSOPHY OF CLOTHES

Thomas Carlyle: Sartor Resartus (1833-34)

«Whats with the glass?» she asks «Reef says its fashionable to look like an intellectual this season»

Bret Easton Ellis: Glamorama (1999)

По сути всем тем, что помогает чувственному восприятию и общению между Душами является Одежда, Костюм, который носят лишь сезон, а потом откладывают в сторону. Таким образом, при должном рассмотрении оказывается, что уже в Одежде содержатся все мысли, мечтания, деяния и состояния человека, то есть весь внешний Мир и все его содержание – это лишь Одежда, а суть всех Наук лежит в ФИЛОСОФИИ ОДЕЖДЫ.

Томас Карлейль: «Сартор Резартус» (1833-34).

– Ты в очках? – спросила она.

– Рифф говорит, в этом сезоне модно выглядеть

интеллектуалом.

Брет Истон Эллис: «Гламорама» (1999).

Во Франции уже в XV веке моде придавали столь важное значение, что Карлу VII пришлось учредить отдельное ведомство, занимающееся вопросами моды¹. И хотя сейчас такое вряд ли было бы целесообразно, это совсем не означает, что мода утратила свое значение. Начиная с XVIII века она становится все более демократичной в том смысле, что больше не является принадлежностью малой группы хорошо обеспеченных людей. Вряд ли какой-нибудь человек западного общества сегодня не ощущает на себе влияния моды. Полки газетных киосков забиты журналами мод, а в глянцевах ежемесячниках и газетах многие статьи посвящены направлениям моды. Телеканалы в выпусках новостей освещают крупные показы мод в Париже, Милане, Нью-Йорке и Лондоне. мода повсеместно считается столь важной, что становится предметом самого пристального внимания, но, быть может, наоборот, это внимание делает моду такой важной. Ею интересуются и мужчины, и женщины, а весьма распространенное раньше мнение, что мода – дело исключительно женское, давно забыто. Люди самого разного возраста подвержены влиянию модных течений. При этом, однако, не следует ограничиваться только сферой одежды, необходимо рассматривать этот феномен в том виде, как он влияет на все прочие области потребления, а кроме того, прини-

мать во внимание тот факт, что логика моды проявляется в искусстве, политике и науке. Таким образом, мы имеем дело с одним из центральных феноменов современного мира.

В большинстве случаев мода оказывает влияние на отношение человека к самому себе и окружающим; и хотя многие станут отрицать этот факт, их потребительские предпочтения свидетельствуют об ином. Пытаясь осознать наше место в современной исторической ситуации, в центр следует поставить феномен моды. Рост значения последнего как исторического явления представляет собой главную черту современности, а именно отход от традиций и бесконечную потребность «нового». Как пишет Вальтер Беньямин, «мода – это вечное возвращение нового»². Я иду дальше и утверждаю, что без понимания моды невозможно адекватное понимание современного мира. При этом не следует впадать в крайность и говорить, что мода – это «универсальный ключ», который позволит нам до конца во всем разобраться.

В то же время термин «мода» употребляется и для обозначения чего-либо не столь важного, как это может показаться. Во многих случаях, используя прилагательное «модный», как, например, в том случае, когда мы говорим «модный философ», мы хотим сказать, что данное явление носит поверхностный характер, то есть не имеет особой значимости³. У моды всегда были свои критики. В текстах XIV века содержатся описания высокопоставленных лиц в одеяниях, далеких от строгой функциональности. Вплоть до 80-х

годов прошлого века «серьезные» научные статьи о моде в основном выражали моральное осуждение, может быть даже презрение, по отношению к своей теме, но за последние десятилетия ситуация изменилась. Данная книга в определенной степени содержит критику моды, однако ни в коей мере не осуждает указанное явление. Я задался целью создать более адекватное представление о моде и тем самым разрушить существующие стереотипы. Конечно, это не позволит нам полностью освободиться от влияния моды, но мы, по крайней мере, сможем достигнуть в ее отношении определенной независимости.

Я не пытался создать книгу об истории моды, однако в данном исследовании были отражены основные ее вехи⁴. Норвегию едва ли можно назвать центром моды, так что я не стал придавать значение национальной специфике⁵. Я не стал оценивать эстетическую ценность различных проявлений моды, ограничившись лишь их описанием. Для меня главным было понять, какое отношение мода имеет к созданию индивидуальности, хотя, безусловно, это явление возможно анализировать и с других точек зрения. Поскольку это философское исследование, необходимо в большей мере работать с понятием «мода», различными его проявлениями и способами использования, а не исследовать конкретные модные течения. То есть можно сказать, что объектом моего исследования является обсуждение моды.

Книга состоит из восьми глав, которые можно читать в

произвольном порядке. Отдельные главы посвящены влиянию моды на язык, искусство, потребление, жизненные идеалы и отношение к человеческому телу. В основном я хочу сконцентрироваться на изучении моды в одежде, хотя есть целый ряд других областей, в которых проявляется данный феномен. Понятие «мода» относится не только к одежде, но также вполне может рассматриваться как механизм или идеология, которые действуют на практике во всех возможных сферах современного мира начиная с позднего Средневековья и до наших дней. В то же время этот механизм наиболее четко проявляется в области одежды, и именно поэтому я отдаю предпочтение в своей работе исследованию данной области.

«Мода» – всем известный и трудно формулируемый термин. Весьма сомнительно, что можно определить необходимые и достаточные признаки, по которым что-либо по праву можно обозначить этим термином. Слово «мода» происходит от латинского *modus*, одним из значений которого является «мера, эталон, норма, стандарт, способ, манера, образ действий, форма, вид, свойство, качество, природа»⁶. Однако для нас эта этимология не столь важна. Определяя понятие «мода», следует различать две главные категории. С одной стороны, моду можно рассматривать только применительно к одежде. С другой стороны, она выступает как основной механизм, логика или идеология, в том числе применимая и к сфере одежды.

Адам Смит был одним из первых философов, который указал в своей антропологии на центральное место моды. Он утверждал, что мода проявляет себя в первую очередь во всех сферах, где основным является чувство вкуса. В большей степени это применимо к одежде и мебели, но также и к музыке, поэзии и архитектуре⁷. Он утверждал, что мода, кроме того, влияет на мораль, хотя в данной области это влияние проявляется значительно меньше⁸. Иммануил Кант, описывая моду, ключевыми считает коренные изменения в образе жизни людей: «Исходя из самого понятия, можно сказать, что любая мода – это меняющийся образ жизни»⁹. Однако существуют и такие изменения в жизни людей, которые едва ли можно обозначить понятием «мода», и Кант, безусловно, с этим бы согласился. Поэт-романтик Новалис пишет, что единственные «действительные улучшения» в нашей жизни существуют в области морали, а все остальные изменения «без исключения только моды, только перемены, незначительные усовершенствования»¹⁰. Философ и социолог Георг Зиммель в своей «Философии моды» (1904) проводит различие между модой и одеждой и понимает моду как важный социальный феномен, который проявляет себя во *всех* сферах жизни общества, в то время как одежда – всего лишь одна из этих сфер¹¹. Он утверждает, что речь, манеры и многое другое также подвержены влиянию моды, однако в центре его исследования все же стояла одежда. Фи-

лософ Жиль Липовецки¹ во многом согласен с Зиммелем: «Мода – это определенная форма социальных изменений, которая не зависит от определенного объекта. Она в первую очередь представляет собой социальный механизм, который характеризуется своеобразной краткосрочностью и большей или меньшей степенью изменчивости и влияет на весьма разнообразные сферы жизни групп лиц»¹². В данном случае Липовецки широко трактует понятие моды, ставя на центральное место элемент общего социального механизма, а не одежды как таковой. Мода в сфере одежды должна определяться как одно из проявлений данного феномена. Сложно даже представить себе хотя бы один социальный феномен, который не зависит от изменений в моде, будь то человеческое тело, логотип, политика или искусство.

В то же время другие однозначно связывают понятие моды с одеждой. Так, искусствовед Энн Холландер² определяет термин «мода» как целый спектр привлекающих внимание стилей одежды, актуальных в определенный момент времени. Сюда же она включает «haute couture (высокую моду), все формы анти-моды и не-моды, одежду и принадлежности людей, которые утверждают, что не интересуются модой»¹³. Элизабет Уилсон, которая занимается историей искусств, придерживается практически такого же мнения: «Мода – это

¹ Жиль Липовецки – французский социолог. – *Здесь и далее прим. перев.*

² Энн Холландер – известный историк моды.

одежда, характерной чертой которой является быстрое и постоянное изменение стилей. Мода в определенном смысле представляет собой изменение, а в современном обществе без моды не существует никакая одежда»¹⁴. Но что именно для них «мода» – сама одежда или ее качество? Уилсон дает двусмысленное определение, так как однозначно связывает моду с одеждой и с определенным свойством, а именно изменчивостью. Однако в данном случае ясно, что «изменчивость» не является необходимой чертой моды. Все меняется, но это совсем не значит, что во всем проявляется мода. Имеется ли тогда какое-нибудь другое свойство у этого феномена? Вероятно, можно согласиться с критиком и теоретиком рисунка Роланом Бартом³, что одежда служит для моды материальным основанием, в то время как сама мода является *системой значений* в сфере культуры¹⁵. Может ли любая одежда стать основанием для подобной системы ценностей? Вопрос достаточно спорный. Вполне допустимо тесно связывать понятия моды и одежды, однако в то же время ясно, что отнюдь не вся одежда подпадает под понятие «мода», и, таким образом, этот термин подразумевает более узкий круг предметов, чем термин «одежда». Во второй главе мы увидим, что мода не является универсальным явлением, а одежда появилась задолго до моды. Кроме того, существует масса феноменов помимо одежды, которые также могут быть

³ Ролан Барт (1915–1980) – культуролог, один из самых влиятельных теоретиков структурализма и постструктурализма.

описаны термином «мода», а следовательно, указанное понятие распространяется не только на «одежду». В таком случае возникает искушение попытаться определить термин как определенное свойство (или определенный набор свойств), которое может проявиться в одежде, дизайне интерьера, политике, науке и т. д. Но тогда мы сталкиваемся с проблемой: каким образом точно определить это свойство? Прочитав достаточно много научных статей о моде, я по-прежнему не обнаружил ни одной убедительной попытки выявить это свойство. Конечно, мы можем попробовать сформулировать предварительное определение: что-либо является модой, если, и только если, оно выступает в роли фактора социального разделения и представляет собой часть системы, которая незамедлительно сменяется чем-то новым. Однако мне не кажется, что подобное определение добавит что-нибудь существенное нашему пониманию до тех пор, пока мы не определим с большей точностью, что же общего у фактора социального разделения и у «нового» аспекта моды. Кроме того, весьма спорно, что данное определение содержит необходимые и достаточные признаки. Вполне допустимо, что объект, не выступающий в роли фактора социального разделения и не характеризующийся свойством новизны (к примеру, старая кожаная куртка, которую давно носили и которая вдруг стала актуальной), без сомнения может быть назван модным. Существуют также объекты, отвечающие признакам новизны и свойствам фактора социального разделения

(например, только что врученный почетный орден), которые не могут считаться объектами моды. Мода фактически вообще не нуждается во введении нового объекта, но вполне может проявляться не только в том, что человек носит на себе, как это бывает, когда, к примеру, становится непопулярно носить шляпу. Кроме того, мода влияет на такое большое количество различных сфер, что представляется сомнительной возможность сформулировать определение, в котором будет отражено, каким образом мода проявляет себя во всех этих сферах. Судя по всему, более целесообразно рассматривать это понятие, исходя из того, что Людвиг Витгенштейн называет «фамильным сходством». Витгенштейн описывает данное положение понятием «игра»: не существует какого-либо особого свойства, которое является общим для того, что называется игрой, однако все игры связаны посредством комплексной системы сходств¹⁶. Используя подход Витгенштейна, можно более точно сформулировать понятие моды на основе примеров. Так, мы можем привести образцы того, что мы называем модой, и того, что модой не называется, однако мы не можем и не должны давать определение, содержащее необходимые и достаточные признаки изучаемого явления. Итак, в данной книге вы найдете большое количество примеров, на основе которых мы увидим, как много общих признаков можно обнаружить, анализируя эти примеры.

Безусловно, своя мода есть у студентов и у интеллигенции. В данном случае речь идет об актуальных и неактуаль-

ных темах: какие мнения являются «sexу» (модными), а какие – нет. Было бы наивно полагать, что здесь главенствуют только рациональные размышления. В данной области вкус играет ничуть не меньшую роль. На самом деле в этом отношении разница между одеждой и философией не столь велика, хотя философы более медлительны, чем представители мира моды. Вряд ли можно ожидать, что все мыслители каждый сезон будут представлять совершенно новые коллекции мнений. Философы неохотно соглашаются с тем, что их наука подвержена влиянию моды. Им очень приятно считать, что темы и воззрения, которые они исследуют, определяет исключительно их рациональный выбор. Многих моих коллег сильно задела идея, содержащаяся в моей предыдущей книге: «В истории философии существует весьма мало настоящих опровержений. Когда происходит революция в философии (например, совершенная Декартом или Кантом), она происходит не потому, что предшественники неоспоримо опровергнуты, а по той лишь причине, что многие философы устают от традиционной философии и чувствуют, что она зашла в тупик, т. е. требуется что-то новое»¹⁷. Говорить, что философия изменяется не исключительно в силу рациональных оснований, а весьма часто просто с целью измениться, – значит утверждать, что и философия, пусть и в меньшей степени, подчиняется моде. Однако данное умозаключение задевает честолюбие современной философии, претендующей на установление абсолютно рационального самоопреде-

ления.

Философ Ханс-Георг Гадамер утверждает, что мода главенствует именно над теми вещами, которые вполне могли быть абсолютно иными¹⁸. Таким образом, мода должна рассматриваться как нечто полностью произвольное, без каких-либо глубоких причин, то есть ни на что не опирающаяся внешняя сторона. Но мода не ограничивает свое господство лишь «несущественными» вещами, такими, как одежда, – она также распространяет свою власть на искусство и науку. В другом месте Гадамер пишет: «Также и в сфере науки мы встречаем что-то наподобие “моды”. Нам известно, какое отрицательное воздействие имеет мода. Это слово в отношении науки употребляется исключительно в негативном смысле. Естественно, наше честолюбие заставляет нас стоять выше моды»¹⁹. Это мнение разделяет и Зиммель. Он утверждает, что по причине своей большой важности наука и религия не должны подчиняться «абсолютной непрактичности, определяющей развитие моды»²⁰. В этой связи возникает вопрос, сможем ли мы в действительности жить в соответствии с этим честолюбием и стоять выше тех требований, которые к нам предъявляет мода? Центральным моментом в герменевтике Гадамера является положение о том, что любая попытка познать что-либо, любое научное или ненаучное исследование всегда будут связаны с исторически обусловленной герменевтической ситуацией. В какой степени

наша герменевтическая ситуация характеризуется логикой моды? Почему необходимо пытаться встать выше моды, как это утверждает Гадамер? Но будет ли тот, кто следует моде, соответствовать своему времени, и важно ли это соответствие? Возможно, именно на это намекает Гегель, когда говорит, что весьма глупо противиться моде²¹.

Во всяком случае, можно сказать, что мода не является популярной темой для философии. Даже в обстоятельных философских исследованиях на тему происхождения современной самости, как, например, «Происхождение личности» («Sources of the Self») Чарльза Тейлора, мода не принимается во внимание²². Традиционно мода не рассматривалась полноценным объектом исследования, а сама сфера не получала такого же признания, как, например, скульптура и архитектура. В последнее время произошли некоторые изменения, и появился целый ряд научных публикаций на тему моды. За некоторым исключением почти все они были написаны не философами. Если мы взглянем на историю философии, станет ясно, что работ, посвященных исследуемому нами феномену, весьма мало. Даже Ницше почти полностью обошел эту тему стороной. Среди философов, действительно уделивших моде внимание, можно указать Адама Смита, Иммануила Канта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Вальтера Беньямина и Теодора Адорно. Кроме того, те или иные положения мы находим и у других мыслителей, однако все же в философской традиции, на удивление,

мало материала для нашего исследования. Как мне известно, всего два философа написали книги о моде: Георг Зиммель и Жиль Липовецки (но социологи, скорее всего, станут утверждать, что Зиммель – «их человек»). В некоторой степени спорной является обоснованность исследования моды с философской точки зрения. Философы, начиная с Платона, стали проводить различие между самой объективной реальностью и ее проявлениями, между внутренним и внешним. На протяжении всего этого времени мода представляла собой явление поверхностное. Кроме того, можно заметить определенный скепсис в отношении одежды уже у Платона, который связывает последнюю с понятием красоты, но красоты обманчивой²³. То, что философия относилась к моде пренебрежительно, объясняется тем, что из-за своей поверхностности данный феномен не заслуживает серьезного изучения. Обычно и сами философы не особенно хорошо разбирались в моде. Исключение в данном случае вновь составляет Кант, который в Кёнигсберге получил прозвище «магистр элегантности» за свои серебряные пряжки на ботинках и отличные шелковые сорочки. Кант говорил: «Лучше быть помешанным на моде, чем просто помешанным»²⁴.

Писать о философии моды – все равно что ставить перед собой задачу, которую основательно высмеяли в художественной литературе, в особенности в романе Томаса Кар-

лейля⁴ «Сартор Резартус»⁵ (1833–1834). Когда автор начал работать над книгой, он записал в дневнике: «Я должен писать – глупости. Писать об одежде. Да поможет мне Бог!»²⁵ Эта книга – издевка над модой, но ни в коей мере не ее философия. Главного героя зовут Diogenes Teufelsdröckh – по-норвежски «чертово говно». Он решается исследовать «моральное, политическое и даже религиозное влияние одежды»²⁶. Герой кладет в основу всего человеческого существования одежду и утверждает, что это существование наиболее глубоко можно понять через этот термин: «В этом единственном важном значении *одеждой* ограничивается все, о чем думают, мечтают, что делают и каким образом существуют люди. Весь этот внешний мир и его части не что иное, как одежда, а вся суть наук заключается в философии одежды»²⁷. Безусловно, одежда не может играть подобную роль. Оказывается, что в действительности не сама одежда интересуется Teufelsdröckh, но, скорее, ее *значение*. Он утверждает, что ее появление не было обусловлено ни потребностью в защите от погодных условий, ни благопристойностью, а, скорее всего, функцией украшения²⁸. Для того чтобы *прочитать* мир, Teufelsdröckh и использует одежду. Для философского исследования моды самое важное – это значение последней. Необходимо также подчеркнуть, что лишь отчасти мож-

⁴ Томас Карлейль (1795–1881) – английский писатель, философ.

⁵ «Сартор Резартус» – дословный перевод «Перелицованный портной»

но согласиться с широко распространенным мнением, что «Сартор Резартус» – это отказ от моды. Карлейль ставит перед собой цель не дезавуировать моду как таковую, а защитить человеческую аутентичность, напомнить, что внутреннее должно соответствовать внешнему, то есть внешний вид должен отражать истинную духовность. Карлейль рассматривал «Сартор Резартус» в значительной степени как шутку, и книга, безусловно смешная, в то же время представляет собой наиболее полное исследование моды, которое когда-либо было предпринято. Карлейль полагает, что одежда имеет определяющее значение для конституции человеческого «я».

В «Философии моды» Зиммель указывает на связь между модой и индивидуальностью. Именно эту связь я и пытаюсь исследовать в данной книге. Одежда – это важная часть социальной структуры личности. Индивидуальность сегодня не связана с традициями, а в большей степени определяется нашими потребительскими предпочтениями. Мода влияет не только на классовую дифференциацию, как то утверждается в классических исследованиях по социологии от Веблена до Бурдьё, но в такой же степени формирует собственную индивидуальность. Одежда – это часть личности, не что-то поверхностное в сравнении с индивидуальностью. Философ и писатель Элен Сиксу, к примеру, утверждает, что одежда в первую очередь является не защитой для тела, а, скорее, его продолжением²⁹. Мы все, так или иначе, демонстрируем

свою сущность через наш внешний вид, и эта демонстрация по необходимости соответствует моде. А постоянные быстро сменяющиеся циклы в моде указывают на более сложное представление о личности, поскольку личность становится более непостоянной.

Что значит жить в мире, в котором мода является принципом? Нас постоянно стимулирует нескончаемый поток «новых» явлений и продуктов, но мы так же быстро ими пресыщаемся. В романе Джей Макинерни «Модельное поведение» («Model Behavior») говорится, что мы находимся «в сфере моды, где банальный энтузиазм находится в гармонии с постоянным чувством неудовлетворенности»³⁰. Мы освобождаемся от ряда традиционных обязанностей, но становимся рабами новых институтов. Мы постоянно стараемся все лучше выразить свою индивидуальность, но делаем это достаточно парадоксальным образом, в результате выражая абстрактную обезличенность.

Безусловно, на планете найдется масса людей, безразличных к моде, но в нашей части мира в данный исторический момент практически невозможно стоять вне поля воздействия данного феномена. Беднейшие люди, живущие рядом с нами, тоже испытывают на себе влияние моды посредством осознания того, что не могут по-настоящему соответствовать ее веяниям. Быть вне игры и выйти из нее осознанно – значит оставаться в поле ее действия. Все, кто читает эту книгу, – граждане мира моды.

Принцип моды – новое

Make it new!
Ezra Pound (1934)

A new idea.
A new look.
A new sex.
A new pair of underwear.
Andy Warhol: From A to B and back again (1975)

Обновите это!
Эзра Паунд (1934)

Новая идея.
Новый облик.
Новый секс.
Новая пара нижнего белья.
Энди Уорхол: «От А к Б и обратно» (1975)

Мода не универсальна. Она не является феноменом, пространственным повсеместно и во все времена. Она не обусловлена ни природой человека, ни основными механизмами, действующими в группах. Она возникла в определенной среде, после чего постепенно преобразовала многие общества и социальные сферы в соответствии со своей логикой.

Распространенным является утверждение, что мода в одежде появилась во времена позднего Средневековья, воз-

можно, в начале эпохи Возрождения, в связи с развитием капитализма. Данный аргумент основывается на том, что в античные времена греки и римляне не могли говорить о моде в сегодняшнем смысле, поскольку в то время отсутствовала индивидуальная, эстетическая автономия в выборе одежды, хотя и была некоторая возможность для вариаций. Со времен Римской империи и до XIV века одежда европейцев не особенно сильно изменилась. Конечно, и в этот период имели место определенные вариации в отношении материала и отдельных деталей, но форма одежды в основном оставалась неизменной. Бедные и богатые носили одежду практически одинакового фасона, однако богатые использовали более дорогие ткани с узором. Желание украсить себя не есть что-то новое в истории человечества, но то, как человек украшал себя в досовременный период, не было модой. К примеру, викингов, без сомнения, занимал их внешний вид. У них было принято носить гребень на поясе, который был украшен символами, соответствующими определенному положению в обществе, но никакой моды у викингов не существовало. Досовременное общество было консервативным. Люди в таком обществе могли носить простые или замысловатые украшения и при этом очень интересоваться эстетическими феноменами, однако общим свойством причесок, одежды, украшений и т. д. оставалась их неизменность в течение целых поколений. Древние римляне были тщеславны: как мужчины, так и женщины пользовались косметикой и пар-

фюмерией, красили и завивали волосы или носили парики. И эти традиции тоже долго оставались неизменными. Иногда определенный обычай одной страны становился популярным в другой, что приводило к резкому изменению стиля, как это произошло, когда греки стали брить бороды, подражая Александру Великому. Однако подобная смена традиций не может быть названа модой, поскольку после этого греки продолжали бриться. В данном случае одну традиционную эстетическую норму сменила другая, а последующие перемены не были желанны и вообще оценены. Чтобы говорить о моде, недостаточно редких изменений. Мода появляется, когда данные изменения происходят ради самих изменений и довольно часто.

Как уже было указано, появление моды принято связывать с развитием капитализма, начавшимся во времена позднего Средневековья. Европа переживала тогда стремительное экономическое развитие, в результате чего возникла основа для относительно быстрых перемен в области культуры. Именно тогда люди впервые обнаружили, что модификация одежды подчиняется определенной логике. Эти изменения теперь не были редкими и случайными, они происходили постоянно и ради самих изменений. Основные формы одежды быстро видоизменялись, в то время как менее важные ее элементы трансформировались еще быстрее. Во времена позднего Средневековья одежда стала напоминать современную в ее индивидуальной приспособленности, а фасоны модифи-

цировались без каких-либо причин, исходя только из самих изменений. В середине XIV века наблюдается развитие творческого подхода к моделированию одежды, использованию цветов и материалов. Варьировались ширина плеч и объем бюста, длина одежды, форма головных уборов и обуви и т. д. Подобные изменения становились все более кардинальными, пока не достигли своего апогея в XVI веке, когда отклонение одежды от контуров тела проявилось в наибольшей степени. Одежду изменяли в первую очередь ради удовольствия. Естественно, что подобные выдуманные трансформации стиля веками были доступны лишь богатому меньшинству, однако постепенно указанные тенденции влияли на все большую часть общества, по мере того как увеличивалась численность буржуазии, которая тоже хотела быть «модной».

Даже если можно утверждать, что мода появилась около 1350 года, более правильным было бы считать, что мода в ее современном значении – с быстрыми сменами и постоянным стремлением противопоставить себя обыденности и соответствовать своему времени – не обладала реальной силой до XVIII века. К этому времени городская буржуазия укрепляет свои позиции и пытается завоевать власть, принадлежащую феодальной аристократии. Одежда используется тогда в качестве знака принадлежности к определенному социальному статусу. В 70-х гг. XVIII века появляются первые журналы мод: английский «Lady's Magazine» («Журнал для женщин» – *англ.* – *Прим. пер*) (1770) и немецкий «Journal des

Luxus und der Moden» («Журнал роскоши и моды» – нем. – Прим. пер.) (1786). (При этом модные журналы для мужчин не публиковались вплоть до 20-х годов XX века³¹.) Такие издания, бесспорно, способствовали более быстрому распространению новых тенденций в моде, донося информацию о том, что сейчас «in», а что «out», быстрее и до более широкого круга лиц, чем раньше.

Развитие моды является одним из основных процессов мировой истории, так как оно объясняет тенденции современности. Мода заключает в себе основную черту всего современного: отход от традиций. Ницше подчеркивает, что мода – это характерный элемент современного, потому что она является индикатором освобождения от влияния авторитетов³². Но в моде определяющим также является и иной элемент, который современность не хотела бы признавать. Мода иррациональна. Она представляет собой изменения ради самих изменений, в то время как современный взгляд сводится к тому, что изменения ведут к все более рациональному самоопределению.

Модернизация основана на двух противоположных тенденциях, где освобождение всегда предполагает использование насилия, а выбор одной формы самореализации влечет за собой отказ от другой. Ролан Барт пишет: «Любая новая мода – это отказ от наследия, высвобождение из-под власти предшествующей моды»³³. Таким образом, новая мода яв-

ляется освобождением от старой. Проблема заключается в том, что в данном случае происходит замена одной доминирующей силы другой, и человек точно так же, как и раньше, подчиняется тирании новой моды. Современность освобождает нас от традиций, но делает рабами нового императива, как это точно сформулировал Артюр Рембо⁶ в конце своей книги «Четверть года в аду»: «Мы должны быть полностью современными»³⁴.

Представление о «новом» появилось сравнительно недавно. Так, к примеру, средневековый человек подобными категориями не мыслил. В данном случае необходимо сделать уточнение. Естественно, люди всегда понимали, что определенные предметы новее других, и мы можем обнаружить примеры употребления латинского выражения «modernus» (которое значит «новый» или «новее» и от которого происходит понятие «современность») уже в VI веке, когда оно употреблялось для обозначения разницы между эпохой язычества и новым христианским периодом. Однако различие между «новым» и «старым» получило широкое применение гораздо позже. Появление нового восприятия времени и истории характеризуется тем, что люди начинают замечать наличие анахронизмов. Так, в средневековой живописи можно заметить, что библейские персонажи изображаются в одежде Средних веков. Святое семейство облачают в одежды, вполне подходящие членам семьи итальянско-

⁶ Артюр Рембо (1855–1891) – французский поэт.

го купца. Маловероятно, что тогда существовало какое-либо ясное понимание того, что эти персонажи на самом деле носили «старую» одежду, в то время как их изображали в «новой». Представление о «новом» впервые получило широкое распространение в конце XVIII века, в эпоху Просвещения. Философ Джанни Ваттимо⁷ указывает на то, что современность представляет собой эпоху, в которой быть современным – это ценность сама по себе, или точнее говоря, в которой быть современным – это то основное достоинство, с которым соотносятся все остальные ценности³⁵. В данном случае быть «современным» означает быть «новым». Для современного человека характерен неофилический менталитет.

Практически все теоретики моды выделяют понятие «новое» (в смысле постоянной замены «новыми» объектами объектов, которые «новыми» были, но уже «устарели»), которое является существенной чертой моды. Насколько мне известно, лишь один исследователь, а именно архитектор Адольф Лоос⁸, утверждал прямо противоположное. Парадоксально, но Лоос считал явление современным, только если оно носило продолжительный характер. Он писал, что только те объекты, которые остаются модными на протяжении длительного времени, заслуживают обозначения «мода»³⁶. Если что-либо выходит из моды после одного сезона,

⁷ Джанни Ваттимо – профессор философии Туринского университета.

⁸ Адольф Лоос (1870–1933) – известный австрийский архитектор.

то, согласно Лоосу, это всего лишь кажется современным, на самом деле таковым не являясь. Он также полагал, что предметы без украшений дольше будут сохранять свою эстетическую ценность, чем предметы, богато украшенные, и следовательно, мужская мода должна будет заменить женскую³⁷. Лоос включает моду в прогрессивное мышление, в котором она получает все более чистое выражение и достигает своей цели, когда отказывается от украшений и изменений. Он также утверждает, что самым модным является человек, который меньше всех отличается от остальных³⁸. Однако понятие моды у Лооса настолько идиосинкразическое, что я не хотел бы принимать его во внимание.

Наверное, Кант первым из теоретиков моды утверждает, что «новое» является существенным признаком моды: «Таким образом, новизна делает моду привлекательной»³⁹. До него исследователи связывали понятие моды с красотой. Кант считает, что мода совсем не зависит от понятия красоты, а, наоборот, может «выражаться в невероятном и даже отчасти отталкивающем», то есть речь идет в большей степени о «превосходстве над другим», чем о достижении «хорошего вкуса»⁴⁰

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.